

и произношение... под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, 1955, и *Орфографический словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро*, 1957. Таким образом, он не считает нормативным Слов. 1948 (он мог пользоваться только 9 томами, до „пятью“). В своем труде он оставляет в стороне произношение немосковское, диалектное, и высказывает мнение, что нормализация русского языка в советский период протекает под влиянием произношения столицы очень быстро, быстрее, чем где бы то ни было. На нескольких местах автор говорит о том, что от 1950 года можно наблюдать стабилизацию ударения (стр. 8). Несмотря на это, наблюдается большое разнообразие в различных типах ударения — ср., напр., в новейших пособиях двойные типы ударения так часто употребляемых слов, как, напр., зима (стр. 202), река (207) и т. д. Здесь надо будет проделать большую работу для проведения стабилизации ударения. В этом, без сомнения, сыграет, большую роль книга В. Кипарского, так как она приводит обзор отдельных типов ударения в современном русском языке, обращает внимание на колебания и показывает путь развития, по которому, по-видимому, пойдет система русского ударения. В будущем не надо будет снова проводить кропотливую работу по историческому развитию русского ударения и по его современному состоянию. В этом вопросе можно надежно опереться на рецензируемый труд.

Bořivoj Novák

Евгения Алексеевна Василевская: *Словосложение в русском языке*. Москва 1962, 132 стр.

Работа Евгении Василевской — монография о сложных словах. Основана она на обширной литературе о словообразовании и на материале, исследованном автором в этой области. Автор ставит себе задачей показать развитие русских сложных слов в диахронном плане, а именно на протяжении длительного периода с XV века до сего времени.

Работа состоит из четырех частей. Особенность первой части, касающейся проблемы сложного слова вообще, состоит, по нашему мнению, в том, что автор использует богатую библиографию предмета, дает широкое представление о развитии теории и сопоставляет разные концепции теоретических вопросов, касающихся данной проблематики. В работе решается прежде всего вопрос о месте словообразования при описании языка и проблема границы между аффиксацией и словосложением. В решении первого вопроса, Василевская, сознавая трудности рассуждения давнего спора между считающими словообразование частью грамматики и сторонниками лексикологического понимания этой части вопроса, закрепляет за словообразованием особое место в описании языка и следует его как самостоятельную дисциплину. С таким решением мы встречаемся впервые. Однако, результатом такого решения проблематики является в данном случае то, что автор не учитывает связей нашей дисциплины ни с грамматикой, ни с лексикологией, и, более того, композиционные приемы рассматривает в герметической изоляции от деривации.

Далее в первой части дается обзор частоты сложных слов в разных периодах, начиная с XV века, с особым учетом их стилистического упорядочения. Этот обзор весьма убедительно постигает специфичность русского языка в словосложении. Полной убедительности анализа однако мешают некоторые отдельные толкования, напр. перемена сложного слова *долговерменно* в теперешнее *долго* утратой второго компонента, или подобным образом *всконечнѣ* → *конечно* и пр. — Важным фактом, вытекающим из данной части, является обнаружение того, что в русском языке сложные слова не были раньше исключительно делом сферы литературного языка, какими являются они — за небольшими исключениями — в чешском языке.

Вторая часть, в которой рассматривается национальная специфичность отдельных языков в словосложении, не достигает уровня других частей. Автор уделяет в ней большое внимание доказательству того факта, который вытекает по крайней мере уже из различных грамматических систем разных языков, т. е. что словосложение в разных индоевропейских языках происходит по-разному. Случайно взятые примеры из разных языков производят весьма неубедительное впечатление, напр. сопоставление рус. *самогон* с нем. *Hausbranntwein*, или рус. *многочисленный дождь* с голл. *Vlaag*. Примеры в этой главе, между прочим, вновь показывают, как опасно иностранцу пользоваться словарем Юнгманна, который содержит древнечешские архаизмы и неологизмы эпохи возрождения наряду с выражениями обыденными. Для русского сложного слова *авероловец* находит автор чешский эквивалент *zvěřilovec* (!) (но такого, или подобного слова в приведенном словаре нет; слово *zvěřilovec* приводится в качестве неупотребляе-

мого варианта в словаре Котта, который Е. Василевской не приводится); для *solevarna* — чеш. *solivarna* и пр. Бессистемные изложения второй главы привели автора к общей констатации разной меры сложных слов в словарных составах, разной пропорции сложных слов и сращений, разного следования компонентов и т. д. Положительной чертой этой главы является богатая библиография.

В третьей главе автор исследует взаимоотношения сложных слов и словосочетаний. Так же, как и в предшествующих частях книги, и здесь приводится в богатом выборе эволюции взглядов синтаксистов на словосочетания, начиная с антики по современность. В этой главе правильно говорится о том, что сложные слова образуются или по существующим в языке моделям, или из словосочетаний. Необходимым условием для первой возможности является наличие модели и потребность в сложном слове. Но общественная потребность в сложном слове, однако, нигде в книге не определяется. Приведенные свойства сложных слов — большая экономность, большая выразительность и высшая степень эмоциональности, но исчерпывают, на наш взгляд, полностью данную проблематику. Изоляция от словообразовательных деривационных приемов привела к тому, что автор не учитывает словообразовательную систему как одно целое. Поэтому она теряет из виду самый важный фактор — стремление к комплектованию этой системы в качестве стимула для возникновения сложных слов. Как убедительно показал Фр. Травничек¹, этот фактор способствовал возникновению в чешском языке сложных слов типа *veikoměsto*; его роль, однако, не ограничивается только данным типом. Несомненно, что он действовал и в более древних эпохах; таким же образом, по нашему мнению, должно было происходить развитие композитов и в русском языке.

Для возникновения сложных слов из словосочетаний не нужна, по мнению автора, модель. Необходима, однако, определенная стабилизация словосочетания с устойчивым порядком слов, частое повторение и, наконец, опять потребность в сложном слове. Сложное слово, возникшее из словосочетания, отличается от первоначального единством структуры и (в отличие от чешского языка) обязательным наличием соединительного гласного *o/e*.

Е. Василевская далее приводит примеры из исторического развития русских сложных слов разных типов. Хотя эти примеры ограничиваются хронологическим исследованием возникновения сложных слов, одновременно они очень убедительно подтверждают (не высказанный автором) тезис о важности деривационных словообразовательных приемов для словосложения, хотя бы у определенных типов. Так, напр., автор утверждает, что параллельно словосочетанию *бѣло озеро* встречается производное сложное слово *бѣлоозеръ*, тогда как сложное слово (собственное) *Бѣлоозеро* возникло позднее. Аналогично возникшие производные слова *челобитная*, *челобитчик*, образовавшиеся от выражения *челом бить*, являются старшего происхождения, чем существительное *челобитие*, которое встречалось раньше в форме *челомбитие*, и т. п. Эти все композиты опять более древнего происхождения чем сложные слова типа *смертубийство*, у которых деривация не нашла таких возможностей применения.

Четвертая часть, о традиции и новаторстве в словосложении, дает представление о современном состоянии композитов в русском языке. Но точки зрения автора, к сожалению, неодинаковы: иногда дается обзор по технике образования, иногда по семантическим округам и пр. Мало целесообразным является, по нашему мнению, в этой связи исследование количественных слов, содержащих отдельные — впрочем, довольно случайно избранные — компоненты (*-голоа-*, *-зуб-*, *-гора-*, *-лоб-*, *-зуб-*, *-нос-* и т. д.); хотя они и попадают в сложные слова не в равном количестве, их потенциальная продуктивность приблизительно одинакова. Тезис о разной „валентности“, по нашему мнению, не слишком удачен.

Но зато очень интересно и важно историческое исследование стилистических областей и планов, где сложные слова встречаются чаще всего (в этом отношении четвертая глава является продолжением первой), и изучение наличия и характера композитов в языке разных авторов, начиная с Радищева и кончая Шолоховым. Таким образом можно проследить расширение области употребления сложных слов от религиозной, исторической и религиозно-публицистической литературы средневековья, где композиты представляли собой средство стилистически симпатическое, через использование их эмоционального характера в сатирических произведениях, до их проникновения в деловой и разговорный язык включительно. И здесь композиты средством экспрессии. Другое их качество — большее количество информации в одной лексической единице и с этим связанная моносемантичность — широко используется в современной терминологической лексике.

Práce E. Vasilevské svědectví o tom, že metoda lexikálně-stylistického analýzy, kterou používá autor, není maximálně efektivní pro studium historického vývoje slovních útvarů a pro podrobnou analýzu jejich systému. Těsná souvislost slovoslovních derivací, o které autor připomíná (např., na str. 58 a dále) zůstala pouze proklamací; v samotném dělení derivacních postupů v práci vůbec nebere v úvahu. Přiváděný materiál ukazuje, že, např., z dvojslovného názvu vzniká prostřednictvím derivace slovo mnohem snadněji, a v jeho řadě v historickém procesu dříve, než vznikající srovnání prostřednictvím spojení, po němž následuje ještě proces přetváření do kompozit konvenčního typu; zde, podle největší pravděpodobnosti, mají své působení také související slovně-grammatické procesy. Kromě toho autorem nebere v úvahu souvislost slovních útvarů s vývojem gramatického systému (jako je, např., kompozit typu *Носгород* vznikl v příčinné souvislosti s zánikem jmenových přílohou).

Pozitivní přínos a určitý vklad do studia slovoslovních útvarů je patrný z rozsáhlé bibliografie (i když lze upřesnit, že v ní není příliš pečlivě provedená kontrola), z výzkumu stylistického charakteru slovních útvarů na dlouhém historickém úseku.

Dušan Šlosar

Józef Trypućko: *Język Władysława Syrokomli (Ludwika Kondratowicza)*, Uppsala 1955, 1957, tom I (stran 451), tom II (stran 412), s francouzským resumé.

Slavista Jos. Trypućko, působící na universitě v Uppsale, na níž má slavistika dlouhou tradici, obohatil polskou jazykovědu o novou studii věnovanou rozboru Vl. Syrokomli (vl. jménem L. Kondratowicze). Trypućkova kniha je míněna jako příspěvek k poznání historického vývoje polského spisovného jazyka v 19. století a vyplňuje mezeru v poznání o spisovném polštině, neboť toto období, které má pro studium polského spisovného jazyka značný význam, je dosud málo prozkoumáno.

Trypućko označuje spisovnou polštinu termínem „język literacki“, jehož se užívá v polské jazykovědě běžně dodnes. Termín „język literacki“ nemá však jednoznačný význam ani v Polsku. Pod tímto názvem se zpravidla rozumí nejen psaná, ale i mluvená forma spisovného jazyka; proto navrhuje St. Urbańczyk (*Rozwój języka narodowego*. Pojęcia i terminologia. Sb. Z dziejów powstawania języków narodowych i literackich, Warszawa 1956, s. 15), aby se pro obě formy spisovného jazyka užívalo názvu „język ogólnonarodowy“ („celonárodní jazyk“). Forma psaná by se pak mohla lišit od formy mluvené dodáním atributů „pisany“ a „mówiony“; druhý termín je však v polské jazykovědě málo běžný proti užívanějšímu názvu „język potoczny“ nebo „mowa potoczna“. Mluvená podoba polštiny je známa též pod názvem „dialekt kulturalny“, jímž se rozumí především mluva polské inteligence. Fakticky tu jde o stylový mluvený útvar, poněkud se lišící od normy spisovného jazyka.

S oběma názvy, tj. „język literacki“ a „dialekt kulturalny“, též „narzecze kulturalne“, operuje T. zcela běžně. Je tedy třeba chápat Trypućkův termín „język literacki“ jako psanou podobu spisovné polštiny („vlastně spisovný jazyk“ v pojetí Fr. Trávníčka) a „język kulturalny“ jako mluvenou i psanou podobu spisovné polštiny („kulturní jazyk“ v pojetí Boh. Havránka).

Polský spisovný jazyk v době velkovévodství varšavského byl v úpadku. Teprve v 19. stol. došel rozkvětu ve všech žánrech literární tvorby (v dramatu, poezii, próze apod.) a bohatě se diferencoval v různých stylech (zvláště v tzv. odborných jazycích). S rozvojem techniky, průmyslu a obchodu se obohatil především po stránce lexikální. I když v tomto období bylo polské jazykové území rozděleno ve tři pásma (ruské, rakouské a pruské), přesto spisovná polština splnila své poslání jako celonárodní jazyk a udržela si specifčnost národního jazyka. Tomuto období bylo sice při zkoumání vývoje polského jazyka věnováno už nemálo pozornosti (A. Malackým, L. Malinowským, A. Kryńským, A. Brücknerem, J. Bauduinem de Courtenay, St. Słońským, T. Lehrem-Splawińským, K. Nitschem aj.), ale nelze říci, že tu bylo vykonáno už všechno. Polská jazykověda postrádá celou řadu monografií, v nichž by byla prozkoumána spisovná polština v dílech jednotlivých autorů 19. století, působících v tom či onom záměru. Na základě těchto prac by bylo možno, jak soudí T., stanovit normu spisovné polštiny 19. století, přesněji specifikovat obohacování slovní zásoby o prvky lidové, zvláště pak z okrajových území Polska.

¹ Fr. Trávníček, *Maloměsto a malé město*, Slovo a slovesnost 2 (1936), str. 21–25.